

Л.П. Репина. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.: СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА. М.: “КРУГЪ”, 2011, 560 с.

Новая монография члена-корреспондента РАН, заместителя директора Института всеобщей истории РАН Л.П. Репиной представляет собой своего рода анналы “историографической революции” в исторической науке и намечает перспективы, ее ожидающие.

«Радикальная перестройка в историографии рубежа веков – разумеется, далеко не первая и, очевидно, не последняя трансформация в долгой истории исторического знания. В условиях современной “историографической революции” можно ожидать наступления нового витка эпистемологической и методологической модернизации исторической науки и очередной раз преобразующего облик Клио и “подведомственную” ей “территорию историка” в контексте аналогичных процессов социального и гуманитарного знания», – пишет автор (с. 559). Тем самым Л.П. Репина заостряет внимание читателя на двух важных выводах, сделанных ею по результатам изучения солидного историографического материала. Во-первых, можно констатировать бурный рывок в развитии теоретического знания в исторической науке последних лет; фактически уместно говорить о разрыве с многими представлениями из сферы методики и методологии, которые господствовали еще три–пять десятилетий назад. Во-вторых, период постепенного освоения новой парадигмы наступит, очевидно, не скоро: сообщество историков стоит на пороге “нового витка” теоретической модернизации. Иначе говоря, “историографическая революция” еще далеко не завершена.

В 1990-х годах российская историческая наука была полем, обильно засеянным импортными методологическим “зерном”, что стало результатом перевода и популяризации множества французских, английских, американских трудов, либо посвященных методологическим проблемам, либо содержащих важные методические новинки. Дискуссии, которые годами велись в таких периодических изданиях, как, например, “History and Theory”, “Social History”, “The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences”, оказались в поле зрения отечественных историков, философов, методологов. В советское время для ученых доступ к зарубеж-

ной профессиональной литературе был ограниченным. Кое-что переводилось, кое-что реферировалось, кое-что приходило в нашу страну на языке оригинала. Однако все это было лишь ручейком по сравнению с тем потоком, который был вызван бурными диспутами по методологии и философии истории в Европе и США. С начала 1990-х годов новая информация широко распространилась и у нас. Она оказала сильное влияние на отечественную историческую науку. Время потребовало внимательно обобщить все то, что происходило в западной методологии истории, а также проанализировать итоги столь значительного интеллектуального “импорта” для отечественной науки. Именно эту задачу и выполнила в своей новой монографии Л.П. Репина, известный специалист по вопросам методологии и признанный авторитет в области изучения “интеллектуальной истории”.

В первую очередь автора книги занимали проблемы, связанные с так называемым “постмодернистским вызовом”, отчасти дезинтегрировавшим мировое сообщество историков. По словам Л.П. Репиной, «главный “постмодернистский вызов” истории был направлен против ее представления об исторической реальности и, следовательно, об объекте исторического познания, которые выступали в новом толковании не как нечто внешнее познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой. Язык стал рассматриваться как смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение... вслед за семиотическим отрицанием “невинности” малых лингвистических форм по отношению к описываемой ими внеязыковой действительности, было подвергнуто сомнению и сокрушительной критике представление о “естественности” исторического дискурса как такового, проблематизировано само понятие и предполагаемая специфика исторического нарратива как формы адекватной реконструкции прошлого, предельно акцентирован креативный характер исторического повествования, выстраивающего неравномерно сохранившиеся, отрывочные и нередко произвольно отобранные сведения источников в последовательный временной ряд». В рамках самой радикальной критики со сторо-

ны постмодернистского подхода “история была приравнена, с одной стороны, к литературе (и акцентирована роль эстетического критерия в оценке исторического текста), а с другой – к идеологии” (с. 121–123).

Автор с полным основанием пишет о том, что кульминация в противостоянии двух полярных позиций – “лингвистической”, “постмодернистской” и “объективистской”, “ортодоксальной” – пришлось на 1980–1990-е годы. Странники второй позиции временно оказались в состоянии некоторого замешательства. Однако результаты столкновения стали не настолько сокрушительными, как можно было ожидать. К этой, весьма разумной авторской оценке хотелось бы добавить несколько слов. Речь о серьезном противостоянии может идти лишь в отношении западноевропейской и американской историографии. Что же касается отечественной исторической науки, то у нас “постмодернистский вызов” не набрал значительной силы; в России он вообще оказался малозаметен, присутствуя в немногочисленных работах, и не покинул разрозненного, роевого состояния. Постмодернистских теоретических платформ, способных сильно повлиять на историописание, в России не сложилось. Те практикующие историки, кто так или иначе использует приемы, тяготеющие к “постмодернистскому вызову”, опираются в большей степени на собственную интуицию или чтение западных авторов, чем на какие-либо теоретические труды современных российских постмодернистов.

На страницах исследования Л.П. Репиной дана широкая панорама тех интеллектуальных механизмов, с помощью которых западные историки сформулировали новую, более устойчивую к вызовам извне самоидентификацию своей науки и преодолели определенную растерянность, возникшую под натиском постмодернистов. Л.П. Репина явно не сочувствует процессам дезинтеграции. Напротив, она подчеркивает свой интерес к тем работам, где подводится база под “восстановление синтезирующего потенциала исторического знания на новом уровне” (с. 134). Автор видит перспективу в сочетании макро- и микроподходов, в опоре нарративных моделей исторического исследования на реальный исторический опыт, в отходе от “ложной альтернативы социального и культурного детерминизма” (с. 551). Она считает, что трансдисциплинарный подход к изучению прошлого не ведет к растворению истории в текстологии.

Л.П. Репина оптимистично смотрит на новые тенденции в западной исторической науке: на протяжении последнего десятилетия наука обновилась и обрела более твердый философский фундамент. «Коперниканская революция» в

теории истории свершилась. Как ответ на вызов современности произошли серьезные изменения в проблемном поле и в образе исторической науки, в том числе возникли новые подходы к пониманию исторической истины» (с. 137–138).

И дело даже не в том, что западными теоретиками был сформулирован принцип “третьей платформы”, своего рода компромисса, который просто элиминировал в исторической науке полный произвол автора, “конструирующего” реальность прошлого. “Третья платформа” или, иначе “средняя позиция”, удовлетворяла далеко не всех. Л.П. Репина четко показывает всю зыбкость подобного полупримирия. В сущности, простое ограничение постмодернистского переворота какими-то приемлемыми рамками еще не означало создания прочного теоретического обоснования для деятельности огромной массы “объективистов”.

Выход, по мнению Л.П. Репиной, был найден «в парадигме “новой социокультурной истории”, интерпретирующей социальные процессы разных уровней сквозь призму культурных представлений, символических практик и ценностных ориентаций. Наряду с освоением приемов литературной критики, внимание было привлечено к “социальной логике текста” – к внелингвистическим характеристикам дискурса, связанным с биографическим, социально-политическим, событийным, духовным контекстами, в которых был создан текст, а также с целями, интересами и мировоззренческими ориентациями его создателя» (с. 127). Надо признать, что социокультурная история, относительно недавно возникшая в теоретических диспутах, действительно открывает перспективы нового научного синтеза. Правда, выполнить его будет несравнимо сложнее, чем тот “прагматический” синтез, который содержат классические труды XIX в., или, скажем, лучшие синтетические работы, созданные в парадигме “школы Анналов”. Требования к новому, социокультурному синтезу выросли на порядок по сравнению с прошлым.

И опять-таки приходится добавить, что эта “коперниканская революция” в теории истории не получила у нас сколько-нибудь выраженной формы, а освоение ее результатов российскими историками идет довольно медленно. Сообщество отечественных историков гораздо болезненнее переживает не “постмодернистский вызов” и не “лингвистический поворот”, а проблему поиска новой самоидентификации исторической науки, да еще, пожалуй, проблему неопределенности адресации практикующими историками своих трудов. Проще говоря, это вопросы о том, “на кого можно сослаться, а на кого нет, поскольку это уже не наука” и “для кого я пишу, помимо восьми специалистов по

моей теме?”. У нас весь “лингвистический поворот” жестко ввели в рамки двумя простейшими правилами: “Реальность исторического прошлого признаешь? На источники ссылаешься? Значит, наука. Нет? Тогда в Центральный дом литераторов на Большой Никитской улице”. А вот сколько-нибудь сложная методика, не сводящаяся к традиционной критике источников, – не методология даже, всего лишь методика – уже вызывает вопросы о ее соотносимости с исторической наукой. Может быть, разумнее было бы договориться о том, что основу самоидентификации должны составить знание историографической традиции, владение элементарными источниковедческими техниками и возможность использования позитивного научного знания, полученного в рамках одной методологической платформы, теми, кто практикует иные методологические принципы. Но следует оговориться: это уже размышления, выходящие за пределы исследовательской тематики книги Л.П. Репиной.

Помимо аналитических элементов, ее монография представляет собой своего рода краткую энциклопедию теоретических исканий в исторической науке за последние 20–30 лет. Автор знакомит читательскую аудиторию с работами последнего поколения микроисториков (делая акцент на комбинации макро- и микроподходов), подробно рассказывает о “глобальной истории”, останавливается на разных вариантах “персональной истории”, уделяет внимание “гендерной истории” и, конечно, солидный объем своей книги отводит “интеллектуальной истории” – тому направлению, в котором является общепризнанным специалистом.

Книга, в сущности, может служить превосходным “путеводителем” для тех, кто интересуется новейшими теоретическими разработками, но не хотел бы тратить время на долгий самостоятельный поиск. В подобных случаях можно смело пользоваться исследованием Л.П. Репиной не только как самостоятельным научным трудом, но еще и как весьма содержательным справочником. Он содержит все самое главное в концентрированном виде плюс отсылки к базовым работам, включая сетевые публикации.

Для книги Л.П. Репиной характерен широчайший охват материала и способность автора анализировать в динамике генеральные тенденции исторической науки как у нас, так и за рубежом. Работа создавалась на протяжении долгого времени, некоторые ее параграфы уже публиковались в виде самостоятельных статей. Можно констатировать: это безусловный творческий успех автора.

Вместе с тем после прочтения книги остается горькое послевкусие. В ней нет разделения между отечественной и зарубежной истори-

ческой наукой. Что ж, резонно. Если исчезли идеологические и политические барьеры между Россией и Европой, Россией и США, то пропадает всякий смысл воздвигать барьеры в сфере гуманитарных теоретических исследований. Казалось бы, подмороженный в советское время “марксопозитивизм” должен был воспринять методологические новинки Запада, освоить их, а затем обогатить мировое сообщество историков оригинальными теоретическими разработками отечественных специалистов. Однако ситуация в отечественной исторической науке оптимизма не вызывает. Да, в России на протяжении 1990–2000-х годов возникло несколько интересных научных направлений, ориентированных на применение “свежей” методологии. Да, успешно работали такие мэтры, как Ю.Л. Бессмертный, Б.Г. Могильницкий, создавали яркие, парадоксальные работы С.А. Экштут, С.В. Кизюков и М.А. Бойцов, писал последние свои статьи И.Д. Ковальченко (которому стоило бы уделить побольше внимания). Но в целом нашу историческую науку не отличает активность методологической мысли. Самостоятельных работ в этой сфере очень мало. Анализ отечественных опытов последних десятилетий в этой сфере, предпринятый в труде Л.П. Репиной, может быть, и не ставившей себе такой цели, показал наше отставание в области теории, по сравнению с ее бурным развитием в западной исторической науке.

Фундаментальную монографию Л.П. Репиной следует воспринимать еще и как вызов. Автор показал слабое место в позициях российской исторической науки. Однако там, где слабое место, – там и творческая перспектива. “Историографическая ситуация настоящего времени свидетельствует о ярко выраженной рефлексии историков над проблемами исторического исследования и способами построения исторических текстов”, – пишет Л.П. Репина (с. 557). Ознакомившись с колоссальным массивом теоретических исканий, приведенным в книге, можно согласиться с такой оценкой автора. Но лишь отчасти: в отношении российской исторической науки настоящая масштабная работа по теоретической модернизации пока скорее желаемая, чем действительная.

Новая книга Л.П. Репиной послужит стимулом для тех, кто имеет вкус к теоретическим штудиям. Здесь исследователей ожидает огромное, едва тронутое плугом поле. Л.П. Репина умеет заразить своей верой в необходимость ускоренного продвижения в области методологии истории.

Д.М. Володихин
доктор исторических наук,
доцент кафедры источниковедения
исторического факультета МГУ